

ГЛИНОЧКА

Листок из альбома

Экскурсовод Черниговского исторического музея:
— Альбом из Качановки и поныне хранится в нашем музее. Все странички его в записях, шуточных и грустных стихах, карандашных набросках. В поместье гостили и оставили автографы Шелченко, Релин, Врубель, Приишников, братья Маковские. Михаил Глинка поставил подпись после Гоголя, который не однажды останавливался у мецената Тарновского и читал здесь свои рукописи. Но Глинка оставил в Качановке записи не только в альбоме гостеприимного хозяина.

29 АПРЕЛЯ директор придворной певческой капеллы Алексей Федорович Львов рапортовал министру императорского двора, что титулярный советник Михайла Глинка выехал в Малороссию накануне. Министр понюхал флакончик с солями и смолчал, событие не было столь значительным, чтобы о нем составлять вслух собственное мнение.

Капельмейстер капеллы Михайл Глинка действительно выехал накануне, апреля 28 дня. Камердинер Яков, крепостной контрабасист, затолкал в дорожный сундук прошнурованную, скрепленную сургучной печатью книгу для записывания прихода и расхода сумм, получаемых капельмейстером Глинкою по случаю откомандирования его в Малороссию для набора 20 малолетних в придворный певческий хор в 1838 году. Кроме Якова, в казенном экипаже вместе с Глинкою ехали его спутники — помощник учителя пения Дмитрий Никитич Палачин, певчий Нафанаил Никифорович Шейнов и дядька Саранчин.

Пока шла большая, уезженная дорога, путешествие не было нисколько несносным, а, наоборот, радовало глаз приятностью ландшафтов, каких не сыщешь не только в Северной Пальмире, но даже в самой Швейцарии. Уже в Чернигове Михайл Глинка искренне поразился чрезвычайным богатством музыкальной одаренности мальчиков-певчих, которые не только верно следовали ходу сложной мелодии, но также тонко чувствовали музыкальную «чепуху», которой пытался их сбить Дмитрий Палачин. В Чернигове отобрали несколько одаренных мальчиков и долее не задерживались. Григорий Степанович Тарновский очень звал в Качановку и по-детски, смешно и надолго, обижался, когда кто убавлялся трудностей дороги в поместье, отдаленное от Чернигова почти на 200 верст.

Глинка ехал с большой охотой, но майские дожди все же прошли, а известно, если в этом крае прольются дожди, то дороги становятся сущим наказанием. Так оно и случилось уже в местечке Монастырище, где лошадей пришлось выпрячь и довериться круторогим волам, которые

перетянули экипаж через греблю, разметанную водой. Переночевали в Ичне, а на другой день, за полдень, добрались до Качановки.

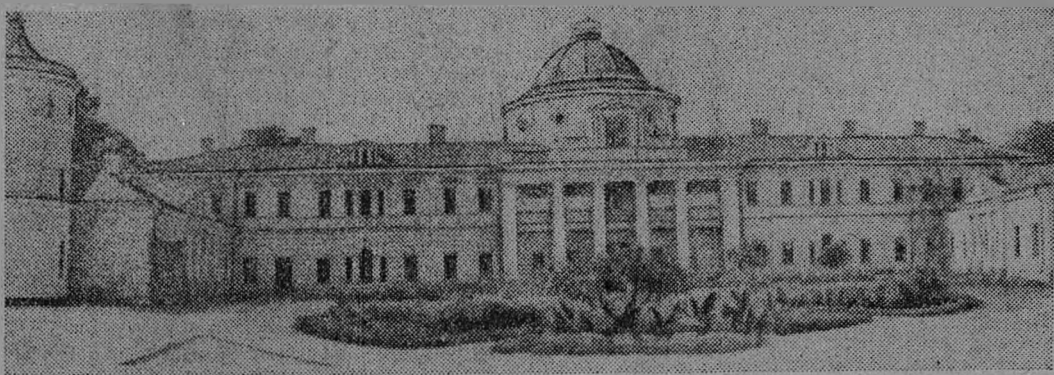
У ворот, на столбах которых зачем-то рычали друг на друга каменные львы, экипаж равнодушно пропустил шедший в парк заметно толстеющий человек. Но не успел Глинка вылезть из экипажа и стряхнуть плащ, как толстяк живо повернулся и в волнении протянул руки:

— Глиночка! Неужто в самом деле? — и, оборотясь к крыльцу громадной дома, крикнул: — Смотрите, кто пожаловал к нам! Сам Глиночка, собственной персоной...

Михаил, встретив так неожиданно товарища по пансиону Николая Марковича и услышав вдруг свое полузабытое пансионное прозвище, на минуту обмяк душой и почему-то вспомнил свою жизнь в мезонине и преподавателя русской словесности Кюхельбекера, который читал им, восьмилетним сорванцам и лентяям, свои гекзаметры.

А от крыльца уже шагал сам хозяин, смуглый и худощавый камер-юнкер Григорий Степанович Тарновский. Миловидные племянницы его, готовые нарушить этикет и броситься навстречу столь знаменитому гостю, любопытно высматривали приехавших из-за кисей оконных занавесей.

КТО ХОТЯ, бы раз побывал в Качановке, не мог уже ни забыть ее, ни тем более разлюбить. Когда самодержица Екатерина II дарила заолупное село Качановку генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, не было здесь, разумеется, ни величественного дворца, ни оранжереи при нем, ни богатейшего парка, в котором слилась воедино вся живописность украинской природы, ни даже крепостного оркестра и хора певчих. Все это появилось гораздо позже, а при Глинке Качановка была собственностью и вовсе другого человека — богача-мецената Тарновского. И хотя добираться до Качановки, как мы уже говорили, было отнюдь нелегко, Михайл Глинка нисколько не жалел, что остановился именно здесь и не отказывался от поездок в города, лежащие окрест, — Ахтырку, Переяс-

И поныне восхищает стройностью линий, красотой пропорций дворец в Качановке — один из замечательных шедевров украинской архитектуры.

лавль, Полтаву, где отбирал для певческой капеллы нужные ему голоса.

В Качановку всегда возвращался с радостью, ибо отсюда был далек чопорный и слащавый Петербург, за много сотен верст осталась и капризная жена, жаловавшаяся тетке Глинки, Марии Николаевне Зелепушной, что незнакомый супруг ее, начав «Сусанина», тратит деньги на нотную бумагу.

Жили в Качановке весело, шумно, без стеснения духа и мыслей. Хозяину льстило, что известный российский музыкант остановился именно у него, и не жалел радушия и теплоты сердца, устраивал поезд-

ПОНЫНЕ стоит в Качановке под сенью кленов беседка, которую никто не называет иначе, как глинкиной. Композитор приходил сюда в утренние часы. Он привез в Качановку первые номера для будущей оперы «Руслан и Людмила» — персидский хор и марш Черномора. Приходили в беседку также Николай Маркович и Штернберг. Глинке для округления музыкальной пьесы нужны были добавочные строфы к балладе Финна, и Маркович начинал усердно грызть перо, стараясь проникнуться строгостью и обаянием пушкинского слога. Штернберг устраивался у мольберта, брался за кисть. Работали дружно и серьезно, как работаете в часы, когда не нужно ждать прихотливого вдохновения. И если нет необходимости говорить о силе и мастерстве творения, начатого Глинкой в Качановке, то особо нужно подчеркнуть, что картина «Глинка в Качановке», написанная Штернбергом, одно из лучших творений талантливого художника.

В Качановке Глинка и завершил начатые пьесы, здесь же их и услышал в горстях звуков. Правда, для марша Черномора не оказалось в дворовом оркестре колокольчиков, но нашелся Дмитрий Никитич Палачин, заменил колокольчики рюмками и играл на них чрезвычайно искусно.

Под сводами беседки впервые прозвучали две песни на слова Виктора Забила «Гуде вітер вельми в полі» и «Не щебечи, соловейку». Написаны они были так близко к национальному музыкальному строю, что Глинке вскоре пришлось на одном из вечеров, уже в Петербурге, подтвердить, что песни, быстро ставшие народными, создал все-таки он.

Глинка провел в Качановке летние месяцы и последнюю поездку совершил в Харьков.

Провожали его хозяева ласково и, конечно же, все вместе не забыли спеть на прощанье «гимн хозяину», написанный Михаилом на слова Марковича:

Пусть Качановка

золотая
И твой тенистый темный сад
Красуются, как уголь рая,
В нем было столько нам отрад.

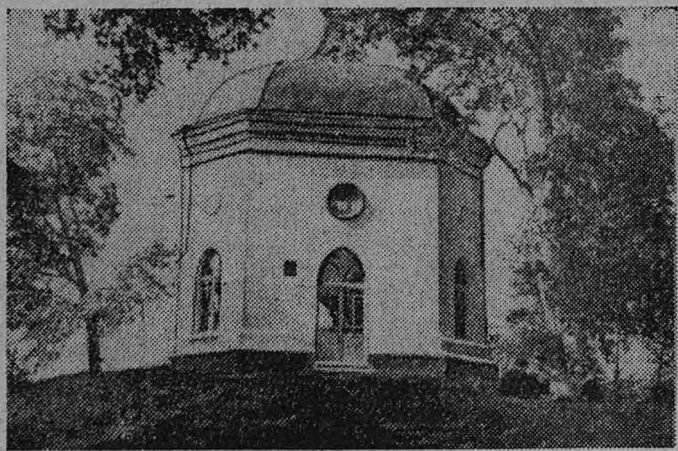
Когда крытые телеги с певчими отъехали за пять верст от усадьбы, на одном из поворотов дороги, в тени вековых дубов, их встретила коляска Тарновского, который стороной обогнал гостей. Еще раз обнялись, расцеловались, осушили прощальный бокал шампанского. Маркович последним спрыгнул со ступеньки экипажа, пожелав пансионному товарищу Глиночке всяческих успехов и благ.

4 сентября 1838 года «Санкт-Петербургские ведомости» в списке «приехавших в столичный город С. Петербург» 1 сентября напечатали: «Из Харькова придворной певческой капеллы капельмейстер тит. сов. Глинка».

Над «Русланом и Людмилой» Михайл Глинка работал еще три зимы и первое ее представление состоялось в ноябре 1842 года. А позже в Качановку, на имя Тарновского, пришло письмо от Тараса Григорьевича Шевченко, и в письме том поэт писал: «А вот жаль, что Вы этой зимой не приехали. У нас была выставка в Академии и очень хорошая, а теперь через день дают «Руслана и Людмилу». И что за опера, — так ну! А особенно, как Артемовский поет Руслана, то так, что даже затылок почешешь — ей-богу, правда! Хороший певец, нечего сказать!».

В. КНЯЗЮК,
В. СТАДНИЧЕНКО.

Качановка,
Черниговская область.
Фото авторов.

У беседки, которую давно называют глинкиной, уже выросли клены. В любое время года приходят сюда люди, и ветер в ветках шумит им песни.